

Феноменологические положения теоретической философии Вл.С. Соловьева

Даниил Борисов (Образовательная программа «Философия»)

Владимир Соловьев – первый самостоятельный русский философ, так как именно он написал впервые тексты, содержание которых с одной стороны является чисто философским, а с другой стороны оригинальным. Я хочу обратиться к его работе, которая называется *“Теоретическая философия”*, чтобы продемонстрировать основные положения его философии, которые изложены в данном труде. На основании этого материала я попытаюсь показать его сходство с основоположником феноменологической традиции Э. Гуссерлем. Я буду говорить о Гуссерле периода *“Картезианских медитаций”*. Цель данной работы – показать сходство идей обоих философов, а тем самым сблизить между собой русскую и западную философию, показав, что в некоторых аспектах данные традиции схожи между собой.

Положения теоретической философии Вл. С. Соловьева

Начну, пожалуй, с того как Соловьев определяет философское мышление. Начало его философского размышления уже перекликается с философской традицией запада. Он, подобно Декарту, начинает свою философию с утверждения того, что должно быть некоторое первое основоположение, с которого должна начаться философия и которое было бы непосредственно очевидно. Несмотря на то, что интенция философа схожа с интенциями других мыслителей, он предлагает гениальный ответ, который превосходит многие рассуждения, которые начинаются подобно рассуждению Декарта. Декарт и многие другие начинали с *cogito* или с принципа очевидности сознания самому себе, однако первое основоположение Соловьева состоит не в этом. Он начинает с определения философской деятельности. Он показывает, что условием всякой философской деятельности является нравственный элемент, который определяет саму эту деятельность. Таким образом, по Соловьеву философское мышление *“должно быть добросовестным поиском достоверной истины до конца”*¹. Это определение философской деятельности совпадает с тем, что непосредственно осуществляет ум в поиске истины. Ум способен разделить собственные

¹ Соловьев Вл. Сочинения в 2 т. М.: 1988. Т. 1. С. 766.

мысли на добросовестные и недобросовестные, так как в именно этом и состоит его задача. Это является первым положением философии или условием всякой философской деятельности.

После этого Соловьев переходит к поиску того, что является непосредственно достоверным уму. Тут он не совсем оригинален, так как Декарт и до него высказывался подобным образом. Есть сознание, а этому сознанию очевидны его собственные содержания. Соловьев говорит об этих данностях сознания как о данностях психических. Это очень точное положение, однако, могут возникать определенные трудности с его интерпретацией, так как психологические данности могут пониматься совсем иначе. Например, в психологии XIX-XX вв. было распространено представление о том, что первичные психологические данности – это некоторые неоформленные ощущения, что-то вроде цветовых пятен или что-то очень неопределённое. Несмотря на то, что так думать можно, т. е. можно пытаться докапываться до некоторых первичных данных сознания, которые на самом деле никому не даны, но уж так Соловьев это точно не понимает. Для его выражения “*психические наличности*” лучше бы подошел другой термин – феномены, так как он именно об этом говорит. Он говорит о некоторых целостностях, содержание которых нам очевидно. Хотя он говорит об очевидности таких феноменов, он также признает и крайнюю ограниченность такого рода познания: “*Свою безусловную достоверность чистое сознание, или знание о психической наличности, искупает крайнею теснотой своих пределов*”².

Далее Соловьев разбирает положения Декарта, убедительно критикуя его за то, что многие положения его метафизики на самом деле являются не непосредственно очевидными, а являются лишь его логическими домыслами, которые сделаны на основании чего-то совсем неочевидного. Например, положение о существовании индивидуального сознания представляется лишь верным выводом, но не как не непосредственной достоверностью. На самом деле есть лишь содержания чистого сознания, но что они принадлежат какому-то субстанциальному “Я” представляется не убедительным. Про все остальное, думаю, не нужно и говорить, так как про это лучше прочитать. Заканчивая критику Декарта, Соловьев вновь возвращается к тезису о том, что просто есть непосредственные и достоверные психические наличности.

Такой вывод очень скуден, но Соловьев решительно продолжает добросовестный поиск истины, углубляясь в содержание эти наличностей. Он приходит к положению, что

² Там же. С. 771.

некоторыми такими содержаниями являются общие мысли. Да, наши общие истины могут быть истинными и ложными, но непосредственно сознается характер этой общности. Так, Соловьёв приходит к такому положению: *“Итак, имеется два рода достоверного знания: непосредственное сознание испытываемых психических фактов, как таких, и непосредственное разумение логического значения некоторых из этих фактов: сознается текущая психическая наличность и понимается формальная всеобщность предполагаемой истины”*³. Получается, что характер этой всеобщности мысли нами непосредственно сознается.

Дальше Соловьёв переходит к поиску условий, которые обуславливают деятельность нашего мышления. Он выделяет три таких условия: память, слово, замысел⁴. Память делает возможной рефлексию собственных содержаний сознания, слово позволяет их выразить, а замысел позволяет осуществлять путь к задуманной цели. По Соловьёву нам нужен некоторый замысел, чтобы воплотить нашу мысль в действительность. Человек способен ставить себе некоторые разумные цели, согласно которым может действовать. Обобщая эти три положения, он приходит к выводу, что стоит выделять три модуса мышления: *“Должно, таким образом, различать в познающем, во-первых, субъекта эмпирического, во-вторых, субъекта логического, и, в-третьих, субъекта собственно философского”*⁵.

Сравнение с “Картезианскими медитациями” Э. Гуссерля

Первой важной аналогией является критика Гуссерлем и Соловьёвым Декарта. Есть существенные переключки в том способе, каким философы это осуществляют. Гуссерль также упрекает Декарта в том, что он зря доверялся логическому выводу в философской деятельности: *“У самого Декарта заранее был некоторый идеал науки, идеал геометрии, или математического естествознания. Он, как роковой предрассудок, распространился на столетия и, не будучи критически осмыслен, оказал существенное влияние на сами Медитации”*⁶. Декарт обладал нормативом науки, который он забыл критически осмыслить. Это положение близко тому, за что упрекал Декарта Соловьёв, так как в общих чертах критика Соловьёва направлена на спекулятивные положения философии Декарта.

Второй важной аналогией является начало феноменологии Гуссерля. “Картезианские медитации” начинаются с того, что Гуссерль определяет суть науки путем вживания в нее. Он

³ Там же. С. 804.

⁴ Там же. С. 813.

⁵ Там же. С. 830.

⁶ Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В. Молчанов. М.: Академический проект, 2010. С. 20.

говорит, что у науки есть некоторая претензия, которая состоит в том, что “<...> ученый хочет не просто судить – он желает обосновывать свои суждения. Точнее говоря, он не желает признавать в качестве научного познания ни для себя, ни для других ни одного суждения, которое он не обосновал полностью и которое он не мог бы потом в любое время и до конца оправдать благодаря возможности свободно вернуться к воспроизведению обоснования”⁷. Как можно заметить, начало рассуждений очень схоже у Гуссерля и Соловьева. Общим является то, что и Соловьев и Гуссерль признают необходимость претензии на абсолютное познание, а также понимают начало философии как описание некоторого рода деятельности.

Третьим важным пунктом является учение об очевидности, которое присутствует у обоих философов. Гуссерль начинает с идеи очевидности, которая является определенного рода опытом сознания, который является непосредственным, а содержание – несомненным. Однако есть и некоторые расхождения. В работе Соловьева нельзя найти детально разработанного учения о методе философского познания, а Гуссерль в свою очередь разрабатывает учение о феноменологическом методе. Несмотря на эти разночтения, содержание многих положений очень близко у этих мыслителей. Например, эйдетическая интуиция в феноменологии Гуссерля отвечает за то, что сознание способно схватывать общности или познавать сущность. Такое познание не является познанием эмпирической действительности, но оно возможно по отношению к сущностям. Когда Соловьев говорит о двух типах очевидностей, то он тоже указывает на возможность схватывания общего положения дел сознанием, хотя учение об эйдетической интуиции у него не проработано.

Заключительной значимой особенностью является то, что Гуссерль говорит о рефлексивном сознании, т. е. о таком сознании которое обращено на собственные пережитые состояния. У Соловьева получается схожая установка, так как он выделяет память как условие всякого философского мышления. Получается, что они оба смотрят на сознание одинаковым способом, что во многом проясняет схожесть этих двух авторов.

Я рассмотрел основные положения “Теоретической философии” Вл.С. Соловьева и основные положения “Картезианских медитаций” Э. Гуссерля. На этом материале мне удалось показать, что отправные точки рассуждения этих мыслителей близки друг другу или даже тождественны. Только Соловьев делает акцент на нравственном аспекте деятельности, а Гуссерль на познавательном. Данное положение дел показывает, что русская философская

⁷ Там же. С. 23.

Феноменологические положения теоретической философии Вл.С. Соловьева

мысль была озабочена проблемами, которые волновали и западную мысль, так что есть основания для сближения данных традиций. Особенно любопытным является тот факт, что работа Соловьева вышла немного раньше работы Гуссерля, что свидетельствует о том, что русская мысль даже опережала европейскую в некоторых аспектах, однако Соловьев не разработал продуманного учения, а лишь наметил направление мысли.

Библиография

Соловьев Вл.С. Сочинения в 2 т. М.: 1988. Т. 1.

Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В. Молчанов. М.: Академический проект, 2010.